

МОВА І СОЦІУМ. МОВНІ КОНТАКТИ В КОНТЕКСТІ ГЛОБАЛІЗАЦІЙНИХ ПРОЦЕСІВ

УДК 81'27

ЯЗЫКОВЫЕ КОНФЛИКТЫ И ЯЗЫКОВЫЕ ИДЕОЛОГИИ В МОЛДОВЕ (на материале анализа фокус-групп)

Яворская Галина Михайловна

д-р филол. наук, проф.,

гл. науч. сотр. Национального института стратегических исследований

В статье рассмотрены проблемы, связанные с изучением языковых конфликтов на постсоветском пространстве. На примере Молдовы определена специфика бытующих там языковых идеологий. Исследование проведено на материале результатов обсуждения языковых проблем участниками фокус-групп в Кишиневе, Бельцах, Комрате. Отдельное внимание уделено методологическим вопросам, связанным с возможностями и ограничениями использования анализа фокус-групп в социолингвистике.

Ключевые слова: языковая идеология, языковая ситуация, билингвизм, дискурс-анализ

Вступительные замечания.

Языковые конфликты на постсоветском пространстве, как правило, не вычлняются в качестве отдельной проблемы для исследования. Между тем, вопросы языка регулярно обостряются во многих постсоветских странах, что не является случайным. Языковые лозунги используются в политической борьбе, однако причины, делающие возможным такое их использование, в большинстве случаев остаются за кадром.

Молдова в этом отношении представляет особый интерес. Во-первых из-за связи нынешних языковых проблем не только с советским, но и с более отдаленным историческим прошлым. Во-вторых, необходимо учитывать факторы этнической и лингвистической неоднородности Молдовы. Весьма существенным фактором для изучения языковых проблем является наличие замороженного конфликта на ее территории. Некоторые значимые точки потенциальных и актуальных языковых конфликтов в Молдове, по-видимому, могут быть обнаружены лишь при сопоставлении особенностей языковой политики Кишинева и Тирасполя.

В настоящем исследовании, имеющем пилотный характер, мы не ставили столь обширных задач. Целью было выяснить характеристики языковых идеологий, бытующих в Молдове, и проследить их возможную связь с проблематикой языковых конфликтов. Исследование базируется на данных, полученных в ноябре 2010 г. по методу фокус-групп, проведенных в трех пунктах – столице Молдовы Кишиневе, в г. Комрат, столице Гагаузской автономии, и в г. Бельцы (Бэлць), являющемся местом компактного проживания украинцев. Опрос проводил к. психол. н. Виктор Пушкар (ведущий). Результаты, включая видеоряд, содержатся на CD. Транскрипты текстов подготовил В. Пушкар.

Данные обрабатывались с помощью дискурс-анализа, конверсационного анализа, а также элементов семантического описания.

Исследование проведено в рамках проекта "Transnistrian crisis: is reconciliation a way out?" GPPAC Eastern Europe, осуществляемого Центром ближневосточных исследований.

1. Языковое законодательство и национальный суверенитет.

В социолингвистике отношения между языком, национализмом и формированием национальных государств были выведены в фокус исследовательского внимания благодаря основополагающей работе Джошуа Фишмана [Fishman 1973] еще в 70-е годы XX в. Однако выдвинутые в данной и последующих работах плодотворные теоретические идеи мало применялись для исследования постсоветской языковой и политической реальности. Связь между этнической и языковой идентичностью на постсоветском пространстве относительно недавно стала предметом детальных исследований, в том числе с помощью социологического инструментария (см., напр.: [Кулык 2010]).

Распад СССР создал на всем постсоветском пространстве условия уникального политико-лингвистического эксперимента. Процессы создания новых национальных государств после окончания холодной войны, происходящие в условиях глобализации и тенденции к ограничению роли национальных суверенитетов, сопровождались упорными поисками новых языковых идентичностей и, одновременно, обострением языковых конфликтов. Каждый из подобных конфликтов, прослеживающихся на территории государств, входящих до 1991 г. в состав СССР, имеет некие общие черты, связанные с особенностями языковой ситуации советского периода. Не случайно отношение к русскому языку, выполнявшего в СССР роль официального языка, оказывается в этих случаях ключевым. Однако в каждом из созданных в 1991 г. государств языковая ситуация обладала своей спецификой, что заставляет рассматривать каждый такой случай по отдельности.

Известно, что в процессе распада СССР значительную роль сыграла борьба за символы. Снятие памятников вождям тоталитарного прошлого, споры вокруг гимна и флага оказались в фокусе острых публичных дискуссий во второй половине 80-х гг. Не менее ожесточенный характер носили вопросы, касающиеся статуса языков. Борьба за политическую независимость последовательно сопровождалась борьбой за государственный статус национальных языков. В 1988 – 1990 гг. Верховные советы республик СССР стали один за другим принимать Законы о языках, устанавливающие государственный статус национальных языков и существенно расширяющие официальную сферу их употребления. За принятием Законов о языках почти сразу же последовало принятие республиками Деклараций о независимости. Таким образом, языковые вопросы оказались в центре борьбы за политическую независимость и национальную идентичность [Яворская 2000, 154 – 155].

Следует сказать, что в период существования СССР специальное языковое законодательство фактически отсутствовало, при этом роль официального языка на всей территории страны играл русский язык. За отсутствием официального языкового законодательства стояло нежелание заострять "национальные отношения". Следует иметь в виду, что в советский период языковые вопросы ставились в непосредственную связь с вопросами этнической принадлежности. Рефлексы эссенциа-

листского понимания связи между языком и этносом донныне весьма распространены на постсоветском пространстве и отражаются в принципах языковой политики отдельных государств.

Термин "государственный язык" в СССР считался нежелательным, однако на протяжении всего существования Союза этот термин последовательно не употреблялся только применительно к русскому языку, фактически имевшему данный статус. При этом относительно отдельных национальных языков республик, входящих в состав СССР, допускались некоторые "послабления". В период 1940–1941 гг. после присоединения части Молдавии (Бессарабии) к СССР, молдавский язык имел статус государственного. В конце 70-х гг. в обновленных Конституциях отдельных закавказских республик, например Грузинской ССР, было внесено положение о государственности грузинского языка. Впоследствии, в период распада СССР, данный факт был использован как аргумент для принятия упомянутой серии Законов о языках.

Советская языковая политика в различные периоды имела разную направленность, однако неизменной оставалось стремление властей контролировать языковую ситуацию и определять направление ее развития. Жестко-централизованный стиль языковой политики в СССР практически не менялся. Начиная с 30-х гг. XX в. содержание языковой политики было направлено на расширение функций русского языка при сохранении определенных прав и возможностей для национальных языков республик и, в меньшей степени, для языков "малых народов".

В официальной советской идеологии начиная с 60-х гг. XX в., за русским языком была закреплена роль "языка межнационального общения". Этот термин, функционально соответствующий термину "второй язык", используемому в современной социолингвистике и практике языкового обучения, в советском контексте приобрел выраженную идеологическую окраску. С помощью данного понятия было окончательно легитимизировано характерное для языковой ситуации в СССР "национально-русское двуязычие". В условиях данной ситуации от носителей национальных и "малых" языков обязательно требовалось еще и знание русского, в то время как русскоговорящие могли оставаться одноязычными.

По сути, речь шла об асимметричном билингвизме (ср.: [Шумарова 2000]), когда носители т. наз. национальных языков – украинского, молдавского, казахского и т.д. – владели русским языком, а носители русского языка могли оставаться одноязычными. Не владение русским языком ограничивало возможности карьерного роста, в то время как незнание "национальных языков", если речь шла о жителях республик СССР, создавало такие препятствия в значительно меньшей степени. Если барьеры в социальном росте для не владеющих национальными языками и возникали, касались они преимущественно гуманитарной сферы. Именно асимметричный билингвизм, распространенный в СССР, стал основным камнем преткновения при изменении принципов языковой политики в созданных после 1991 г. государствах. При этом большинство принятых в конце 80-х годов Законов о языке сохранили статус русского языка как "языка межнационального общения".

Кроме общих для всех республик бывшего СССР признаков языковых ситуаций, в каждом конкретном случае действовали и иные факторы. В случае Молдовы осо-

бую роль сыграл более глубокий исторический контекст. Назовем только отдельные факты, повлиявшие на языковую ситуацию, в том числе в ее нынешних проблемах. После 1812 г. часть территории Молдовы на восток от р. Прут отошла к Российской империи. Таким образом, эта территория оказалась оторванной от процесса формирования румынского национального государства и сопровождавшего его процесса утверждения латинской графики для румынского литературного стандарта. Русский язык тут стал языком, необходимым для социального роста и карьеры. Говорящее порумынски население оказалось сконцентрированным в сельской местности, и именно крестьяне поддерживали традиционную молдавскую идентичность [Ciscel 2005]. В 1918–1940 гг. и 1941–1944 гг. современная территория Республики Молдова входила в состав Королевства Румынии, в 1940–1941 и 1944–1991 гг. – в состав Союза ССР, как Молдавская ССР (в 1990–1991 гг. – ССР Молдова).

В советский период принципы графического оформления молдавского языка приобрели выраженную идеологическую окраску. В 1940 г. латинский алфавит на молдавской территории, вошедшей в состав СССР, был заменен кириллицей. Именно кириллическая письменность использовалась как основное символическое средство утверждения существования отдельного от румынского молдавского языка. В советский период функционирование молдавского языка, несмотря на преподавание в школах и использование в других важных социальных сферах, было ограниченным. Городские жители с помощью эффективных мер социального поощрения переходили на русский язык, а молдавский продолжал использоваться в селах.

Учитывая коллизию с письменностью, в 1989 г. Молдове понадобилось два закона о языке. В 1989 г. Верховный Совет МССР придал государственный статус молдавскому языку. Был также принят закон "О возврате молдавскому языку латинской графики". Совершенно очевидным в данном случае было социально-символическое отталкивание от русского языка [Яворська 1993]. За принятием законов о языке в 1990 г. последовало принятие Декларации о суверенитете.

Положение о государственном статусе молдавского языка содержится в Конституции Молдовы (1994).

Гагаузский язык имеет статус официального в Автономной Гагаузской республике. За русским языком сохранен статус языка межнационального общения. В 2003 г. в "Закон о функционировании языков" от 1989 г. были внесены изменения. В частности статус "языка межнационального общения", наряду с русским, был закреплён также за молдавским.

Отношение к закону о возврате к латинской графике оказалось неоднозначным. По мнению противников закона в Приднестровье, само его название "свидетельствовало о неуважительном отношении к истории и культуре молдавского народа. Игнорировался факт использования молдаванами кириллической письменности на протяжении более чем 600-летней их истории". А утверждался "насилованный перевод молдавской письменности на латинскую графику, предпринятый румынскими оккупантами" [Историко-правовые... 2010, 10]. Данная позиция победила в Приднестровье, где продолжает функционировать кириллическая графика. Для непризнанной ПМР кириллица является символом ее независимости от Молдовы, точно так же, как в 1989 г. одним из символов суверенитета Молдовы стал возврат к латинице.

2. Языковые конфликты и языковые идеологии.

Большинство исследователей склонны рассматривать языковые конфликты сквозь призму этнических, религиозных, территориальных споров. Язык редко рассматривают как непосредственную причину политических столкновений. Хотя некоторые авторы настаивают на необходимости введения языка в концепцию политических конфликтов [Shell 2001] (ср.: [Яворская 2000; Яворська 2010]).

Поскольку общепринятых определений языкового конфликта не существует, будем исходить из нескольких рабочих определений. Итак, во-первых, под языковым конфликтом нередко понимается политический конфликт под языковыми лозунгами. Во-вторых, языковой конфликт по сути представляет собой конфликт понимания, то есть нарушения коммуникации. Языковой конфликт может реализоваться как конфликт интересов и ценностей языковых сообществ, находящихся в ситуации контакта. И, наконец, языковой конфликт можно рассматривать как конфликт идентичностей. Язык в этом случае выступает как символ принадлежности к "своим" или "чужим" [Яворська 2010].

В современных языковых конфликтах, как правило, присутствуют все названные составляющие. Примеры языковых конфликтов многочисленны. Политические конфликты под языковыми лозунгами могут переходить в насильственную фазу (Бангладеш, бывшая Югославия). Пример бывшей Югославии является особенно настораживающим при оценке ситуации на постсоветском пространстве.

Основанием для возникновения языкового конфликта является существование различных языков. В современной Европе осуществляется попытка переосмыслить языковое разнообразие как благо, вопреки зафиксированному в Библии негативно-му опыту построения Вавилонской башни (Бытие, 11). Механизм языкового конфликта в виде конфликта идентичностей также описан в Библии (Кн. Судей, 12.) Кстати фигурирующее здесь слово *шибболет* ныне используется как термин для обозначения групповой принадлежности к "своим" в работах по социальной психологии, социолингвистике и т.п.

На постсоветском пространстве коммуникативные предпосылки языковых конфликтов обусловлены особенностями многоязычных языковых ситуаций, в первую очередь асимметричным билингвизмом. А борьба за идентичность, в том числе языковую, сохраняет свое значение в процессе построения новых национальных государств.

Для выяснения потенциала языковых конфликтов необходимо учитывать не только известные качественные и количественные параметры языковых ситуаций, но и то, что граждане думают о языках, на которых говорят в их стране, и в целом о языковой ситуации. Речь идет о так называемых языковых идеологиях [Woolard, Schieffelin 1994; Яavorska 2010], то есть мнениях о языке, распространенных в том или ином сообществе. Устойчивые представления о языке (языках), наряду с языковым автоматизмом и невозможностью быстрой смены языковых навыков, являются одним из важнейших препятствий при попытках регулирования языковых ситуаций.

Примеры языковых идеологий, как правило, известны носителям лингвокультуры, являясь составляющей общих фоновых знаний членов сообщества (о красоте, богат-

стве, выразительности, благозвучии одних языков, часто на фоне представлений о недостаточности других языков). Главным признаком языковых идеологий является то, что они воспринимаются как данность, и, таким образом, не требуют критического осмысления. Языковые идеологии реализуются в виде "разговоров о языке", и проявляются в виде обыденных суждений на тему языка, присущих тому или иному сообществу. Вследствие их принадлежности обыденному знанию, языковые идеологии недостаточно вербализованы. Выведение языковых идеологий "на поверхность" требует специальных исследовательских усилий. В то же время методика подобных исследований разработана недостаточно. В этом отношении материал, полученный во время опроса фокус-групп, открывает широкое поле для исследований.

3. Анализ фокус-групп.

Для проведения фокус-групп в рамках данного исследования был выбран Кишинев как столица и уникальный для Молдовы тип поселения, Бельцы (Бэлць) как место компактного проживания украинцев и Комрат как столица Гагаузской автономии. Фокус-группы в Бельцах, Кишиневе и Комрате сформированы согласно демографическим квотам по переписи населения Молдовы. Четко выдержаны квоты по этничности, возрасту, полу, и приблизительно – по характеру занятости (открытая актуальная статистика по фактору занятости в Молдове отсутствует). Исключением является фокус-группа в Кишиневе, где превышена квота молодых женщин. Процедуры проведения фокус-групп соблюдены.

Анализ данных, полученных в результате опроса фокус-групп, только сейчас начинает использоваться в лингвопрагматике и социолингвистике. Очевидно, что такой анализ имеет все шансы занять надлежащее место среди качественно-ориентированных исследований, поскольку фокус-группы создают особый тип коммуникативного взаимодействия, результаты которого подходят для проведения подробного дискурс-анализа. Что весьма важно, так это характер взаимодействия между участниками, которые непринужденно, в рамках жанра повседневного общения высказываются по заданным вопросам, формулируя "своими словами" мысли и взгляды по заданной проблеме.

Таким образом, в процессе общения создаются смыслы, значимые для культуры, и, одновременно, воспроизводятся обыденные модели категоризации, доступ к которым, как правило, затруднен [Blitvich et al., 2010]. Разбор подобных дискурсивных актов, учитывающий их структуру и содержание, а также присущую им силу воздействия, представляет собой эффективный способ анализа конфликтов [Рис 2005].

Следует, однако, иметь в виду, что для выяснения и анализа языковых идеологий опрос фокус-групп прежде не использовался. Таким образом, наше исследование оказалось направленным не только на обработку данных и получение результатов, но и на преодоление подводных камней, возникающих в ходе его проведения и, таким образом, на обработку методики.

3.1. Возмущающие факторы и перспектива рассказов о конфликтах.

Ситуация общения в фокус-группе содержит значительное количество возмущающих факторов в плане изучения языковых идеологий. Во-первых это язык исследователей. В нашем случае это русский язык. При этом русский язык экспери-

ментаторов использовался ими как второй язык (язык-2) – за пределами опроса, но в присутствии испытуемых, экспериментаторы общались между собой по-украински, что должно было частично сгладить впечатление их солидаризации только с одной – русскоговорящей – частью испытуемых. (Заметим, что термины первый язык и второй язык (L_1 и L_2), к сожалению, практически не имеют хождения в отечественной литературе. Весьма близкими к этим понятиям оказываются социолингвистические работы Н.П. Шумаровой, в которых вводится понятие "функционально первого" языка [Шумарова 2000]).

Во-вторых, стандартная процедура отбора участников фокус-групп не предполагает квотирования по языковому признаку (напр. по признаку "родной язык"). Между тем этот признак для изучения языковых идеологий весьма существен, поэтому при анализе приходилось ориентироваться на косвенные показатели – фонетико-просодические, лексико-грамматические и лингвопрагматические.

Язык проведения опроса (русский) является языком-1 для одной части группы, и языком-2 – для другой части. Соотношение участников по этому параметру приходится определять "на глаз", точнее, "на слух". Эти оценки отличаются по степени точности от определения по внешним признакам половозрастных характеристик говорящих. Отклонения от русского литературного стандарта присутствуют в речи всех испытуемых – и у тех, для кого русский является языком-1, и у тех, для кого он язык-2. Отклонения от норм являются следствием интерференции в условиях языковых контактов (влияние румынского (молдавского), украинского, гагаузского) [Семчинский 1974].

Гораздо более надежным критерием в данном случае является содержание реплик участников. Так, при ответе на общий вопрос о конфликтах в ситуации бытового общения, вызванных непониманием или нежеланием перехода на язык собеседника (без уточнения, о каком языке речь), участники с русским-1 рассказывают о случаях нежелания переключаться на русский. В то же время участники с молдавским/румынским-1 приводят примеры нежелания или неумения говорить по-румынски. Таким образом, было установлено, что язык-1 задает перспективу рассказа о коммуникативных конфликтах, вызванных языковым барьером. То есть рассказчик отождествляет себя со своим языком-1.

Кроме того, фактор языка-1 в определенной степени задает и тематическую перспективу сообщения. В разговоре о коммуникативных конфликтах участники с русским-1 подчеркивают намеренное нежелание персонажа-собеседника говорить (отвечать) по-русски. Это происходит на фоне выраженной или скрытой презумпции о владении русским языком всеми жителями Молдовы. Мы не останавливаемся сейчас на том, насколько такое представление, базирующееся на реалиях асимметричного билингвизма, соответствует нынешней языковой ситуации. Однако на уровне "мнения" оно весьма распространено, что позволяет отнести это мнение к составляющей языковых идеологий в Молдове. При этом создается впечатление, что языковые идеологии в отражении языковой реальности могут запаздывать.

Именно представление о том, что собеседник-персонаж "на самом деле" знает русский, является основанием для вывода о "нежелании" отвечать по-русски. Представление о некотором положении дел, существующем "на самом деле", порождает специфици-

ческую составляющую коммуникативного конфликта, которую можно обозначить как обвинение собеседника в неискренности, лицемерии, фальши и т.п. Т.е. в конечном итоге, в случае коммуникативного конфликта, связанного с отказом адресата говорить по-русски, рассказчик усматривает нарушение максимы Грайса "будь честен!"

Что же касается зафиксированных в ходе проведениях фокус-групп рассказов о конфликтах, вызванных отказом русскоговорящих говорить по-молдавски/порумынски (от лица носителей румынского-1), то такие случаи трактуются как "неуважение" к государственному языку, за которым следует моральное осуждение.

Максимы Грайса, формулирующие принципы кооперативности, не охватывают случаев нарушения языковой лояльности. Последние можно рассматривать как нарушение принципов вежливости, берущих верх над требованиями кооперативности. Главный из принципов вежливости был сформулирован в свое время Робин Лакофф как "будь дружелюбен!" Отсутствие дружелюбия в виде языковой лояльности в некоторых ситуациях переинтерпретируется как разновидность агрессии, демонстрация негативного отношения. Напр. (Кишинев): *вот... в паспортном столе... сотрудник в триста одиннадцатом кабинете, оттого, что я настоял на своем говорить, на своем румынском, она меня стала не принимать, скажем, не рассматривать мои документы.... Просто пока я не обратился к ее, как там это называется, начальник есть, пригрозил даже, что позвоню в Кишинев, (называет фамилию) – тогда стала она нормально говорить на нашем родном, румынском, и даже старалась где-то мне угодить, ну, в смысле, если надо было где-то что-то дописывать, ну в смысле, за меня это делала. Таких случаев полно...просто такое отношение к нам, но это, видно, по нашей вине.*

3.2. Нежелание говорить на темы языковых конфликтов.

Главной проблемой при проведении подобных фокус-групп является неготовность и нежелание участников отвечать на прямо сформулированные вопросы относительно их взглядов на язык (языки) и особенности языковой ситуации, в том числе в ходе обыденного общения с представителями иных языковых групп. Чувствительность этой проблематики приводит к нежеланию участников непринужденно высказываться на языковую тему.

В связи с этим первоначально была запланирована серия вопросов для обсуждения, касающаяся не непосредственно языка, а проблем образования, его качества, а также возможной зависимости качества образования от языка, далее планировался переход к вопросам о пользе владения теми иными языками с точки зрения социального продвижения, и, наконец, в условиях установившегося непринужденного общения, предполагался вопрос об известных участникам обыденных ситуациях коммуникативных конфликтов, связанных с выбором языка общения (в транспорте, магазине, на улице).

В силу определенных причин запланированная последовательность вопросов не была выдержана. Вопрос, к которому планировалось подойти постепенно (о ситуациях коммуникативных конфликтов) был поставлен первым, что вызвало ожидаемую настороженность говорящих и привело к озвучиванию не столько собственных мнений, сколько взглядов, считающихся социально приемлемыми.

Полученные данные, тем не менее, также поддаются интерпретации, хотя первоначальная цель получения серии непринужденных высказываний о русском, ру-

мынском и других языках в Молдове, достигнута не была. В связи с этим пришлось обратить особое внимание на моменты напряженности в обсуждении, проявляющиеся как на невербальном (паузы, запинки, повороты головы и т.п.), так и на вербальном уровнях.

Так, показательными в этом смысле являются реплики со словами *не помню* в ответ на просьбу рассказать о бытовой ситуации, когда собеседник отказывался отвечать по причине "не того" языка адресанта.

Напр.: *Ну, я не помню такой момент...*, но если б так было, я могла бы сейчас и на русском, и на румынском (Кишинев).

Попытка ведущего настаивать приводит к отрицанию: (в) *Ситуации такие, они скорее есть, или скорее нету?* (р) **Нет**, скорей всего нету.

В других случаях неуверенный характер ответа обозначен междометием *ну* и завершающими реплику словами *не знаю*: **Ну**, были такие моменты, пыталась объяснить на молдавском, если говорили на молдавском, **не знаю**. (Кишинев). Показателен также отказ уверенно подтвердить, что описываемая ситуация произошла непосредственно с говорящим, а далее переход на уровень обобщений (*разные ситуации бывают*): (в) *То есть, это ситуации, которые бывали лично с Вами?* (р) *Да, ну нет. Ну как, есть разные магазины, разные случаи бывают... скажем, люди разные.*

В целом наиболее характерной является первоначальная отрицательная реакция (*нет, со мной таких случаев не бывало*), что свидетельствует о том, что предлагаемые вопросом варианты поведения (отказ отвечать из-за того что язык адресанта "не подходит") считаются социально неприемлемыми, хотя в реальной жизни, судя по ответам, не так уж редки. Выходом из неприятной ситуации часто выбирается отказ продолжать общение. Иными словами, если человеку, обращающемуся на улице или в магазине по-русски или по-молдавски, не отвечают, он просто уходит.

В целом в рассматриваемых ситуациях действуют две коммуникативные тактики: переход на язык адресата (в случае владения двумя языками – молдавским и русским), или прерывание коммуникации (*иду в другой магазин*). Следует подчеркнуть, что реальная степень владения обоими языками решающего значения не имеет. Намного большее значение имеют представления о "правильном" языковом поведении в условиях билингвизма. Такое правильное поведение в основном понимается как переключение на язык собеседника: *Я иногда обращаюсь на молдавском, но если они мне отвечают на русском, то я уже по-русски разговариваю с ними* (Бельцы); *Я молдавский плохо знаю, но отвечаю, если меня спрашивают, насколько мне позволяют мои знания, – моя культура меня заставляет отвечать максимально на молдавском языке* (Кишинев).

В некоторых случаях говорящие описывают заданную ситуацию с точки зрения не участника, а наблюдателя. При этом наблюдатель может включаться в разговор, когда хочет скорректировать его с помощью совета, объяснения и т.п. В основе таких вмешательств, по-видимому, лежит неприятие ситуации коммуникативного конфликта на основе отказа отвечать "по языковому принципу". Как правило, такие вмешательства непрошенных советчиков ожидаемо оказываются неэффективными: *Есть люди, которые, бывают такие случаи, что на молдавском обращаешься, они*

тоже... *Не понимают, им объясняешь и они обижаются, когда им делаешь замечание. Но большинство обижается, понимаете, такие молодые девчата в магазине, приходит какая-то бабка, она просит, и ты не знаешь, как отвечать, что дать ей. Это ненормально...* (Бельцы).

Но в большинстве случаев, рассказывая о подобных коммуникативных недоразумениях, участники отказываются оценивать их отрицательно. Несмотря на то, что ситуация явно считается неприемлемой. Напр. в Комрате, описывая ситуацию языковых коммуникативных барьеров, говорящий употребил слова *негатива не было*. И далее два последующих участника точно таким же образом оформили свой рассказ, притом, что содержание ситуации несколько разное. В первых двух репликах адресанты говорят о не владении языком адресата – молдавским, а в последней – о предложении собеседнику выбора из двух дополнительных языков: (1) *У меня такая ситуация была, как у Сергея, в Кишиневе, но в любом случае пыталась из этого выходить, как-то, и продавец мог войти в мое положение, что я не знаю языка, и пытаюсь на русском хоть плохо говорить, но говорить. Но такого негатива – не было такого*; (2) *У меня негатива тоже не было, то есть говорили на молдавском языке, я объясняла, что я не понимаю, и мне отвечали на русском*; (3) *У меня то же самое в Кишиневе. Негатива не было, я сказала, что я знаю русский и гагаузский, можете на двух языках со мной общаться, – "Хорошо, я буду на русском с Вами общаться". Не было негатива.*

Эти повторы свидетельствуют об отсутствии непринужденного общения, боязни сказать "что-то не то", желании спрятаться за чужими словами.

3.3. Языки "желательно знать".

Одним из устойчивых мнений, обнаруженных в ходе исследования, является мнение о "желательности" и, одновременно, необходимости ("нужности") знания других языков.

Так, говоря о коммуникативных конфликтах, связанных с выбором языка общения, а также о других жизненных ситуациях, участники подчеркивают: (1) *Желательно знать и русский, и румынский*; (2) *Нужно знать и русский, и румынский*; (3) *... нужно знать обязательно русский, румынский и желательно какой-то иностранный. Английский, наверное, он более распространен (Кишинев)*;

Обобщающие суждения (сентенции) являются существенной частью языковых идеологий. Довольно распространенным является утверждение: *Чем больше языков человек знает, тем лучше*. Интересно, что данная сентенция на уровне высказывания дополняется глаголами мнения типа *считать* и *думать*, т.е. ментальными предикатами, позволяющими представить общее мнение в виде персонального мнения (*я считаю*): *Я считаю так, что английский, –русский, румынский, – это ясно, что человек должен знать, – английский, я так думаю, любой молодой человек должен знать обязательно в нынешние дни, и еще какой-то язык, либо французский, либо немецкий.*

В дальнейшем ходе разговора согласие с данной сентенцией оформляется просто как согласие с мнением высказавшего его человека: *Я тоже полностью согласна с молодым человеком, чем больше языков знаешь – тем лучше*. Иногда используется ссылка на авторитет: *...говорила моя мама – что научись, за плечами не носить, и чем больше языков знаешь, тем лучше* (Комрат).

При этом глагол "знать" в этих контекстах употребляется не как ментальный предикат ("иметь информацию о том, что имеет (имело) место в действительности), а в значении "практически владеть чем-л.", то есть в значении знания-умения, в данном случае, умения пользоваться языком [Апресян 2001].

Мнение о желательности знания нескольких языков (функционирующих в Молдове и других) отражает позитивное отношение к мультилингвизму. На фоне описанных выше довольно напряженных установок к коммуникативным конфликтам на языковой почве, позитивное отношение к другим языкам может рассматриваться как один из признаков имеющихся в Молдове возможностей избежать возникновения политических конфликтов под языковыми лозунгами. Хотя языковая ситуация продолжает сохранять конфликтный потенциал.

Заключение.

Проведенное исследование показало, что языковые идеологии в Молдове сохраняют преемственность с предшествующей историей развития языковой ситуации. Задача отталкивания от языковых идеологий и принципов языковой политики советского периода в определенной степени продолжает сохранять свою актуальность. Языковая политика, фокусирующаяся на сужении сфер функционирования русского языка, остается востребованной, поскольку еще не преодолено широкое распространение молдавско-русского билингвизма. При этом ситуация меняется в сторону расширения сфер употребления государственного языка. По-видимому, знание русского языка, особенно для молодежи, уже не является само собой разумеющимся фактом. А языковые идеологии несколько "запаздывают" в отражении динамики языковой ситуации.

Русский язык широко используется в роли "второго языка", в то время как молдавский/румынский функционирует в функции языка-2 все еще недостаточно. Как показывают полученные во время анализа фокус-групп данные, носителям гагаузского и украинского языков, проживающим в Молдове, даже в случае владения гагаузским и украинским, "удобнее" в качестве второго языка использовать именно русский, а не молдавский. Хотя потребность в использовании молдавского постепенно увеличивается, но русские монолингвы, особенно за пределами Кишинева, в таких городах как Бельцы и Комрат, чувствуют себя вполне уверенно, о чем свидетельствует упомянутый во время проведения фокус-группы в Бельцах призыв "говорить на нормальном языке", т.е. по-русски, от тех, кто не владеет молдавским. Однако наличествуют признаки изменения ситуации, в первую очередь в Кишиневе, когда "нормальным" оказывается говорить по-румынски (*стала она нормально говорить на нашем родном, румынском*).

Понимание языка-1 ("родного") как "нормального" согласуется с лингвопрагматическим выводом о том, что язык-1 задает перспективу рассказа о коммуникативных конфликтах, вызванных языковым барьером, а рассказчик отождествляет себя со своим языком-1.

Язык-1 задает также тематическую перспективу сообщения. В то время как участники с русским-1 рассказывают о случаях отказа говорить по-русски, участники с румынским-1 описывают коммуникативные конфликты при отказе говорить по-румынски. Различным оказывается и смысл коммуникативного нарушения. В первом случае говорящие, исходя из презумпции о владении русским языком всеми жителями Мол-

довы, интерпретируют поведение не отвечающего по-русски собеседника в духе нарушения максимы Грайса "будь честен!", обвиняя адресата в лицемерии. Во втором случае отказ говорить по-румынски расценивается говорящими с румынским-1 как нарушение языковой лояльности, т.е. нарушение принципа дружелюбия. Нарушение этого принципа способно переинтерпретироваться как проявления языковой агрессии.

Ситуации бытового общения, сопровождающиеся коммуникативными конфликтами, связанными с выбором языка, знакомы практически всем участникам исследования. Выраженное нежелание участников подробно обсуждать данные ситуации, с одной стороны, свидетельствуют об отношении к таким ситуациям как социально неприемлемым, а с другой, обнаруживают наличие "болевых точек", связанных с языковыми проблемами в Молдове.

Обсуждение языковых вопросов также показало, что в Молдове весьма распространенным является мнение о желательности знать "много языков". Монолингвизм, по-видимому, не рассматривается жителями Молдовы, как идеал. В этом отношении Молдова отличается от некоторых других постсоветских стран, проходящих сегодня путь становления национального государства. Установка на многоязычие может расцениваться как фактор, препятствующий обострению и политизации языковых конфликтов. Этот вывод нуждается в дополнительной проверке.

Однако возможность возникновения языковых конфликтов в Молдове продолжает существовать. Этому способствует как сохранение асимметричного билингвизма, так и языковая ситуация в Приднестровье, сохраняющая некоторые небезопасные социально-семиотические альтернативы (в частности, кириллическую графику). Хотя, по данным фокус-групп, вопрос о выборе между кириллической и латинской графикой утратил в Молдове актуальность, однако семиотический конфликт не разрешен и сохраняется в скрытом виде благодаря использованию кириллицы в непризнанной ПМР.

Проведенное исследование обнаружило ограничения в использовании данных фокус-групп для исследования языковых идеологий. С одной стороны, подтвердилось предположение о нецелесообразности вынесения на обсуждение прямых вопросов, связанных с выбором языка и коммуникативными конфликтами. Непринужденная ситуация общения в этом случае оказывается нарушенной, что значительно сужает тематические границы дискуссии и ограничивает возможность получения простейших стереотипных высказываний на тему того или иного языка (о языковом богатстве, мелодичности, красоте, простоте/сложности и т.п.). Настроенные на воспроизведение социально приемлемых норм языкового поведения (требующих, в частности, переключения на язык собеседника), участники одновременно стараются всячески подчеркнуть, что нарушение таких норм не вызывает у них отрицательной реакции. Выполнить такую противоречивую задачу оказывается сложно. Переход к более нейтральным вопросам (об образовании, потребности в языках) не смог оказать "смягчающего воздействия" на участников – говоря о языке образования, они всячески избегали сравнений достоинств молдавского и русского языков в преподавании различных дисциплин. Эти результаты нуждаются в дополнительной проверке, поскольку пока неясно, о чем они свидетельствуют – то ли об отсутствии подобных представлений, то есть о значимых лакунах в языковых идеологиях, то ли о необходимости дальнейшего совершенствования процедуры исследования.

Кроме того, необходимо уточнить, насколько распространены являются мнения о молдавском, как о языке села (зафиксировано в Бельцах), и гагаузском, как о языке, который сохранился в селах (Комрат). Относительно молдавского распространённость таких представлений кажется маловероятной. Языковая политика за годы независимости, по-видимому, смогла разорвать связь молдавского языка преимущественно с селом, а значит, и преодолеть сопутствующие ассоциации с прошлым и отсталостью.

У статті розглянуто проблеми вивчення мовних конфліктів на пострадянському просторі. На прикладі Молдови визначено специфіку поширених там мовних ідеологій. Дослідження проведене на матеріалі результатів обговорення мовних питань учасниками фокус-груп у містах Кишинев, Бельці, Комрат. Окрему увагу приділено питанням методології, пов'язаним із можливостями й обмеженнями використання аналізу фокус-груп у соціолінгвістиці.

Ключові слова: мовна ідеологія, мовна ситуація, білінгвізм, дискурс-аналіз.

The paper describes the language conflicts' roots in the post-soviet countries. Moldova case study makes it possible to analyze common language ideologies. The research is based on 3 focus-group studies in Chişinău, Comrat and Bălţi. The author focuses also on focus-group methodology in sociolinguistics.

Key words: language ideology, language situation, bilingualism, discourse-analysis.

Литература:

1. Апресян Ю.Д. Системообразующие смыслы "знать" и "считать" в русском языке // Русский язык в научном освещении. М., 2001. – № 1. – С. 5–26.
2. Историко-правовые предпосылки создания Приднестровской государственности // Дипломатический вестник Приднестровья, 2010. – № 1. – С. 8–13 (режим доступа: http://mfa-pmr.org/downloads/vestnik_MID_1.pdf).
3. Кулык В. Родной язык и язык общения: на что должна ориентироваться языковая политика? // Вестник общественного мнения 3 (105), июль – сентябрь 2010. – С. 75–86.
4. Рис Н. Русские разговоры. Культура и речевая повседневность эпохи перестройки / Нэнси Рис. – М.: НЛО, 2005.
5. Семчинський С.В. Семантична інтерференція мов / С.В. Семчинський. – К.: Вища школа, 1974. – 256 с.
6. Шумарова Н. П. Мовна компетенція особистості в ситуації білінгвізму / Шумарова Н.П. – К.: КДЛУ, 2000. – 283 с.
7. Яворська Г. Письмо як символ національно-культурної орієнтації // Вісник АН України, 1993. – № 1. – С. 18–23.
8. Яворська Г.М. Прескриптивна лінгвістика як дискурс: Мова, культура, влада / Яворська Галина Михайлівна. К., ВПОЛ, 2000. – 288 с.
9. Яворська Г. Мовні конфлікти в Україні: штучні чи реальні? (жовтень, 2010) – (режим доступу: <http://www.slideshare.net/sergeAmes/ss-5564384>)
10. Blitvich P. G.-C et al. A genre approach to impoliteness in a Spanish television talk show: Evidence from corpus-based analysis, questionnaires and focus groups // Intercultural Pragmatics, 2010. – Vol.7/4. – P. 689–723.
11. Ciscel M.H. Language and identity in post-Soviet Moldova // Bent Preiser et al. (eds). The Consequences of Mobility. – Roskilde: Roskilde University, 2005. – P. 106–119.
12. Fishman J. Language and Nationalism: Two integrative essays. Rowley: Newbury House, 1973.
13. Shell M. Language Wars // The New Centennial Review. Fall 2001. – Vol. 1, № 2. – P. 1–17.
14. Woolard K., Schieffelin B. Language ideology // Annual review of Anthropology, 23, 1994. – P. 55–82.
15. Yavorska G. The impact of ideologies on the standardization of Modern Ukraine. International Journal of the Sociology of Language. Languages and Language Ideologies in Ukraine. 2010. – № 201. – P. 163–198.